

Е.М. Сергеев**Взгляд сквозь годы. Воспоминания****(Продолжение¹)**

Евгений Михайлович СЕРГЕЕВ (1914–1997) — крупнейший советский и российский ученый в области грунтоведения, инженерной геологии и охраны геологической среды, талантливый педагог Московского государственного университета, выдающийся организатор геологической науки, академик АН СССР и РАН, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. По инициативе Е.М. Сергеева в 1978 г. в издательстве «Наука» был открыт академический журнал «Инженерная геология» (сейчас существующий под названием «Геозкология: инженерная геология, гидрогеология, геоэкология»), главным редактором которого он являлся до 1987 г.

На страницах нашего журнала перепечатывается книга Е.М. Сергеева «Взгляд сквозь годы. Воспоминания», вышедшая в 2014 году в издательстве «ГЕОС» под редакцией В.И. Осипова (составители — О.Н. Еремина, Н.Е. Сергеева). Основой для нее послужили книги ученого «За строкой фронтового письма» (М.: Воениздат, 1985), «Московский университет: взгляд сквозь годы» (М.: Изд-во МГУ, 1992), а также его мемуары, не издававшиеся ранее. В публикации приводится правдивый рассказ о жизненном пути академика, неразрывно связанном с историей нашей страны.

**Глава 19.
Строительство новых зданий
МГУ на Ленинских горах.
Ректор А.Н. Несмеянов**

24 мая 1947 года на заседании оргбюро ЦК ВКП(б) слушался вопрос: «О положении университетского образования и мерах по его улучшению». На обсуждение этого вопроса от университетов были приглашены ректор Ленинградского университета Вознесенский, ректор и секретарь парткома Московского университета. Председательствовал А.А. Жданов. Он сидел один за большим столом для президиума, на котором стояла табличка с надписью «место для оратора». Секретарей и стенографисток не было, и поэтому табличка красноречиво говорила о том, что выступления и весь ход заседания будут записываться.

Члены оргбюро ЦК, работники аппарата ЦК и приглашенные — все находились в зале, где стояли зигзагообразно столы с вращающимися креслами, а приглашенные — за ними. Слово для доклада было предоставлено министру высшего и среднего специального образования СССР С.В. Кафтанову. При этом Жданов предупредил, что время для сообщения не должно превышать 20 минут. «Материалы по Вашему сообщению у членов оргбюро имеются», — сказал он.

В своем сообщении Кафтанов основное внимание уделил укреплению материальной базы университетов. Жданов раздраженно перебил докладчика: «Что Вы все нам

говорите: надо дать и еще надо дать. А под что давать? Вы не говорите о главных проблемах университетов. Скажите, что главное в университете: наука или обучение?»

С моей точки зрения, вопрос был поставлен совершенно неправомерно. Сергей Васильевич растерялся: бывший каталь из содовой шахты Донбасса, безусловно, умный человек, ученик академика Баха, он еще не имел достаточного опыта в таких дискуссиях и прямо ответил: «Я считаю, что наука». Жданов вспыхнул. «Да какой же Вы министр после этого! Да Вас близко к высшей школе подпускать нельзя! Вы забыли, что делали университеты до революции? Они готовили в первую очередь учителей для средней школы. И этим они сейчас заниматься должны. Садитесь».

Стали выступать члены оргбюро. Среди выступавших были Попов, Шкирятов и другие. Все они поддержали Жданова: «Да, университеты должны готовить в первую очередь преподавателей для средней школы». Сидевший рядом со мной И.С. Галкин торжествовал: «Я говорил, что задача университетов — готовить преподавателей средней школы! И видите — я был прав». Да, он имел право так говорить: дискуссия о профиле выпускников университета проходила в МГУ в сравнительно узком кругу. Некоторые из ее участников поддерживали ректора. Большинство же считали, что Московский университет в первую очередь должен готовить исследователей. Я поддерживал это большинство.

Попросил слово ректор Ленинградского университета Вознесенский. Спокойно он начал:

¹ Начало — № 1–6 журнала «Инженерная геология» за 2016 год и № 1–5 журнала «Инженерная геология» за 2017 год.

— Вы меня извините, товарищи, но я не понимаю, что здесь происходит. Собрались люди, которые не являются специалистами ни в области высшего образования, ни тем более университетского, и решают вопрос о том, какие специалисты должны готовиться в университетах.

Жданов: Интересно послушать специалиста, что он скажет.

Вознесенский: Товарищ Кафтанов был прав, когда сказал, что наука университетах должна быть на первом месте. Университеты должны в первую очередь готовить научных исследователей в различных областях науки.

Жданов: Кто их обязывает к этому?

Вознесенский: Вы, Андрей Александрович, точнее ЦК партии, который своими решениями обязывает нас открывать то одну, то другую специальность, имеющую не массовый, а чисто научный или идеологический характер.

Жданов: Если мы действительно принимали такие решения, то поступали неправильно. И вы должны были опротестовать наши решения.

Вознесенский: Нет, мы не должны были протестовать, потому что решения были правильными.

По ходу заседания Галкин попросил слово для выступления, но Жданов сказал, что время для обсуждения вопроса истекло и надо принимать постановление. «Пишите, — сказал он, — Создать комиссию для подготовки решения по докладу Кафтанова об оказании материальной помощи университетам, особенно Московскому и Ленинградскому. Председателем комиссии назначить Попова, в состав комиссии ввести ректоров названных двух университетов Галкина и Вознесенского. Комиссии дать предложения в месячный срок. Все. Обсуждение вопроса закончено».

Выходили мы с Ильей Саввичем из здания ЦК в приподнятом настроении. Вот когда, наконец, будут решены все проблемы нашего университета. Вот когда можно просить не железо на крышу старых зданий, а ставить вопрос о строительстве нового комплекса университетских современных зданий.

И действительно, вскоре состоялось первое заседание комиссии. На нем произошел обмен мнениями, но никаких решений принято не было. Прошел июнь, потом июль, август, ноябрь на дворе, а комиссия больше не собиралась. Как будто никакого заседания и решения оргбюро не было. Естественно, что это меня беспокоило. Кто мог отменить решение? Политбюро? Сталин? Тогда надо обращаться прямо к нему.

С этой мыслью я зашел к Галкину и предложил написать письмо Сталину, просить его вмешаться в это дело. Выслушав меня, Илья Саввич ответил примерно так: «Видите ли, дело касается партийных органов, органов ЦК партии. К тому же вопрос рассматривали на закрытом заседании. Вы секретарь парткома, а я ректор, представитель Министерства высшего образования. Если бы вопрос касался работы министерства, то, конечно, я бы первый подписал такое письмо, но в отношении партийных органов мне это делать неудобно. Хотите писать — пишите, но только от своего имени».

Я хотел возразить Илье Саввичу, что мы оба в первую очередь коммунисты, но потом решил, что этим его не убедить. Да я и сам понимал, какую большую ответственность на себя берет автор такого письма, содержащего по существу жалобу на Попова и Жданова. Какой вес имеет Жданов в руководстве партией — это я имел возможность

лично убедиться на заседании Оргбюро ЦК. Попов тоже обладал огромными полномочиями, будучи секретарем ЦК партии, членом Политбюро и Оргбюро, первым секретарем МГК ВКП(б) и, если не ошибаюсь, первым секретарем МК ВКП(б) и председателем Моссовета. Никаких возражений он не терпел, и на этой почве, к сожалению, у меня уже были с ним конфликтные ситуации.

Но в Сталина, как и большинство советских людей, тогда я верил бесконечно и решил такое письмо написать ему лично. Советоваться ни с кем не стал, чтобы не дать возможности говорить о «скрытой оппозиции» или «группировке» в университете. В газетах иногда печатали письма на имя Сталина. Они всегда начинались так: «Дорогой Иосиф Виссарионович». Я и начал свое письмо по «газетному образцу». Текст его у меня сохранился, и я привожу его полностью.

«Чувство большой ответственности перед партией и советским народом за работу Московского государственного университета заставляет меня обратиться к Вам и просить помочь нашему коллективу в разрешении его неотложных нужд.

На протяжении 1944–45 гг. Советское правительство дважды выносило постановление по оказанию помощи Университету, но ни в одном из них не был разрешен коренной вопрос, обеспечивающий нормальную работу университета — расширение его аудиторного и лабораторного фондов.

По сравнению с 1940 годом количество факультетов и кафедр, а также весь коллектив университета выросли в два раза, а занимаемая им площадь остается прежней.

Учебные занятия ведутся с 9 часов до 11 часов вечера, с использованием всех «уголков», многие кафедры не имеют помещений, не хватает лабораторий. Недостаток помещений значительно осложняет партийно-политическую работу в университете. Все это приносит большой ущерб государственным интересам, так как снижает качество подготовляемых специалистов и ограничивает развертывание научной работы в университете. Создался разрыв между возможностями ученых и всего коллектива университета и его фактической работой.

24 мая сего года на Оргбюро ЦК ВКП(б) слушался вопрос: «О положении университетского образования и мерах по его улучшению».

В решении Оргбюро ЦК ВКП(б) было особо указано на необходимость улучшения материальной базы Московского университета. Подготовить решение этого вопроса для Оргбюро ЦК ВКП(б) в месячный срок должна была специальная комиссия. Времени прошло шесть месяцев — комиссия ничего не сделала.

Мне известно, что с сентября месяца вопрос о дальнейшей работе Университета, его развитии и о расширении площади Университета обсуждается в Министерстве, Госплане СССР и в Бюро Культуры Совета Министров СССР. Срочно разрабатываются различные проекты постановлений, которые при согласовании с заинтересованными министерствами тут же отменяются.

Из предыдущих постановлений Правительства не выполнен ряд пунктов. Московский Совет, несмотря на двукратное решение СНК СССР, отказывается предоставить университету жилой дом, что значительно улучшило бы положение профессуры и позволило бы вывести жильцов из зданий Университета. Это дискредитирует постанов-

ление СНК СССР, по поводу которого в Университете проводились митинги.

Дорогой Иосиф Виссарионович, я глубоко убежден, что в решении огромных задач, стоящих перед советским народом, большую пользу может принести Московский университет. Эта польза может быть значительно большей, если будут созданы нормальные условия для его работы.

Мы постоянно чувствуем заботу и внимание к университету со стороны Партии и Правительства. Однако, я убежден, что кардинальное решение важнейших жизненных вопросов университета в ближайшее время возможно только лишь при наличии Ваших указаний. О чем я и прошу Вас.

С глубоким уважением к Вам
Секретарь партийного комитета
Московского государственного
университета
3.XII.47 г.»

(Сергеев)

Удивительно легко писалось это письмо. С этого времени прошло более сорока лет, а я и сейчас помню, что для написания его и перепечатки на машинке понадобилось меньше трех часов. Я сам вложил его в конверт и отнес в бюро пропусков у Спасских ворот, где принималась подобного рода почта.

Но уже на обратном пути появилось сомнение: а как будет воспринято письмо? А что если секретариат Сталина не сочтет нужным доложить его Сталину и переправит его в горком партии, Г.М. Попову. Вот тогда мне будет плохо. После того как я позволил себе выступить с возражениями против некоторых его критических замечаний в адрес Галкина, отношение его ко мне стало явно недоброжелательным. Если письмо будет передано ему для рассмотрения, то он нашел бы возможность расписаться с «неудобным человечком».

Прошла неделя, на письмо никакой реакции. Идет вторая неделя — мне уже плохо спится. И как-то, ворочаясь к боку на бок, я решил, что дальше в неведении быть нельзя.

На следующий день я позвонил Ф.И. Коровину, с которым я работал в профкоме МГУ и который рекомендовал меня в партию, и попросил его срочно меня принять. В это время Федор Иванович работал в Совете министров СССР.

Не помню, какую должность он занимал, но оказалось, что у него был «кремлевский» телефон, то, что сейчас называется «вертушка». Выслушав меня, Федор Иванович посоветовал:

— А ты позвони товарищу Сталину и узнай, получил он твое письмо или нет.

— Но как же я могу это сделать?

— Очень просто. Вот на столе «кремлевка», а рядом справочник, в котором указан телефон Сталина.

Я взял справочник, открыл, и на первой же странице, крупными буквами стояло «И.В. Сталин» и указан номер телефона. Я набрал этот номер. Длинные гудки и тут же голос: «Я вас слушаю».

Я представился и объяснил причину моего звонка.

— Это вам надо узнать по другому телефону.

Продиктовал мне номер и положил трубку. Я набрал новый номер, снова представился и снова объяснил причину моего звонка. Человек, слушавший меня, сразу же

ответил: «Ваше письмо товарищ Сталин прочитал и направил товарищу Жданову».

Гора с плеч свалилась, хотя я еще не знал, что же будет дальше. На следующий день раздался телефонный звонок в парткоме, и женский голос произнес: «Товарищ Сергеев? Вас хочет видеть товарищ Жданов завтра в 16.00».

Я замялся.

— Видите ли, у меня как раз на это время назначена встреча с избирателями. Моя кандидатура выдвинута в депутаты Краснопресненского райсовета.

— Сейчас доложу. Да, на встрече с избирателями вам надо быть. Поэтому товарищ Жданов переносит встречу с вами на 10 часов утра. В бюро пропусков заходить не надо. Предъявите партбилет при входе. На следующий день в здании ЦК я получил пропуск. Посмотрел на него и очень удивился. Был указан номер комнаты, в которой мне приходилось неоднократно бывать, так как в ней работал зав. отделом науки и учебных заведений. Подумал, что мы вместе пойдем с ним к Жданову. Захожу в приемную. Поздоровался с секретарем.

— Здравствуйте, Юрий Андреевич вас ждет. Заходите пожалуйста.

Было чему удивиться. Думал, что иду к Андрею Александровичу Жданову, а оказался у его сына Юрия Андреевича. Неделю назад я приглашал его к себе, так как нам хотелось, чтобы Юрий Андреевич возглавил редакцию газеты «Московский университет». Во время войны он служил в Политуправлении Советской Армии и занимался там печатью. После демобилизации был восстановлен в аспирантуру на кафедре органической химии. Отзывы о нем были как о человеке умном, решительном и политически образованном. Газета «Московский университет» была довольно «серенькой». Хотелось, чтобы она соответствовала тому коллективу, для которого существовала. Я пытался убедить Юрия Андреевича помочь парткому решить этот вопрос. А он отказывался, говоря, что во время службы на флоте отстал в науке и сейчас приходится много работать над диссертацией. Договорились, что через некоторое время мы еще встретимся. Но я, конечно, не мог предположить, что эта встреча произойдет в ЦК и Юрий Андреевич к этому времени будет зав. отделом науки и учебных заведений.

Жданов-младший встретил меня с улыбкой.

— Вот, видите, никак не могу принять ваше предложение быть главным редактором газеты «Московский университет». Давайте поговорим об университете вообще.

Глаза у Жданова стали строго официальными.

— Первый вопрос такой. Почему вы подписали письмо товарищу Сталину один? Почему проигнорировали ректора?

— Вы ошибаетесь, я предлагал Илье Саввичу вместе написать письмо товарищу Сталину. Но он привел ряд соображений, почему не может этого сделать. — И я постарался точно воспроизвести наш разговор.

Выслушав меня внимательно, Ю.А. Жданов следующей фразой как бы подвел итог.

— Так, значит, испугался обратиться в ЦК партии. Как бы чего не вышло. Значит, правильно у нас в отделе считают, что он не может сейчас быть ректором. Сначала надо решить вопрос о новом ректоре, а потом уже с его участием рассмотреть вопрос о развитии и университета. Кого Вы можете порекомендовать ректором университета?

— Александра Николаевича Несмеянова.

— А еще кого?

— Я ведь специально этим вопросом не занимался. Вы меня с ходу спросили, и я вам назвал бесспорную кандидатуру Александра Николаевича Несмеянова.

Жданов снова пристально, испытующе на меня посмотрел. Я продолжал:

— Несмеянов — воспитанник университета, ученый в расцвете сил, это нашло признание в избрании его академиком, он единственный академик среди деканов факультетов университета, коммунист. Есть и еще одно соображение, хотя оно может быть не принято во внимание.

— Какое же?

— Несмеянов — представитель естественных наук. Ему легче будет разобраться в развитии, направлениях и проблемах таких фундаментальных наук, как физика, биология, математика, не говоря уже о химии, чем любому представителю гуманитарных наук.

— Я думаю, что Вы правы. На данном этапе развития науки ректором следует быть представителю естественных наук. Но надо будет посоветоваться по этому вопросу. Теперь я хочу спросить Вас: не хотите ли Вы поработать в отделе науки и учебных заведений ЦК партии?

— Что Вы, Юрий Андреевич, я же инвалид, с трудом осваиваю протез, до сих пор ходил на костылях. Мне бы хотелось заняться научной работой. Я уже и так четыре года работаю в парткоме МГУ.

— Ну, если уж Вы считаете, сколько времени отдали партийной работе, тогда, конечно, дальнейший разговор ни к чему.

На этом мы распрощались, и больше подобных встреч со Ждановым у меня не было.

В конце декабря 1947 года вместо И.С. Галкина ректором университета был назначен декан химфака академик А.Н. Несмеянов. С его приходом обновилось руководство университетом. Была введена должность проректора по общим вопросам. На эту должность был назначен профессор Григорий Данилович Вовченко, ранее в университете не работавший. Предполагалось, что на его плечи должны лечь самые сложные вопросы жизни университета и в том числе строительство новых зданий. Проректором по учебной работе стал Виктор Иванович Спицын, заведующий кафедрой общей химии, известный ученый, будущий академик.

Ректор попросил меня рекомендовать кого-нибудь из профессоров или заведующих кафедрами на должность проректора по административно-хозяйственной части. «Я исхожу из того, — говорил Александр Николаевич, — эту должность должен занимать обязательно ученый, причем энергичный ученый, разбирающийся в хозяйственных делах в связи с учебной и научной деятельностью университета.

— Александр Николаевич, недавно на геолого-почвенном факультете открыта новая кафедра геологии и геохимии горючих ископаемых. Возглавил ее профессор Игнатий Осипович Брод. Он производит впечатление человека умного и очень энергичного. Сейчас рядом с факультетом возводится небольшой домик для его кафедры силами той организации, для которой кафедра будет проводить работы вокруг Каспийского моря; это оговорено хоздоговором. Строительство пустыяковое, но продвигается очень быстро. Студенты и сотрудники факультета шутят: «строится Бродвей». Брод сам следит за этим строительством. Но я Игнатия Осиповича почти не знаю.

Рекомендовать его не могу, а встречу с ним стоит организовать. Знаете, есть пословица: не зная брода — не суйся в воду.

Во время встречи ректор изложил Игнатию Осиповичу свои мысли относительно обязанностей проректора по административно-хозяйственной части. Тот дал согласие и тут же приступил к работе. Через некоторое время, когда я уже не был секретарем парткома, Несмеянов мне сказал: «А знаете, Брод оказался бродом». Мы оба посмеялись.

Работал Игнатий Осипович неумоимо. Вместо отдыха — в экспедицию. В экспедиции у него был свой режим работы — переезжать из партии в партию только ночью, чтобы не терять дневного времени и по возможности в дороге знакомиться с материалами партии, в которую он едет. В результате возвращался он еще более усталый, чем был до командировки. А в кабинете проректора его ожидает кипа бумаг, которые надо срочно подписать. Подвел его помощник, подсунул какие-то документы, которые не следовало подписывать. Помощник был уволен из университета, а ректор был вынужден освободить Брода от должности проректора.

Игнатий Осипович Брод был человеком, преданным науке, преданным Московскому университету. Но силы человеческие не безграничны, организм не выдержал перегрузок и талантливый ученый ушел из жизни внезапно, в расцвете сил.

Как ни странно, но в Московском университете долго не было проректора по науке. После войны такая должность была введена приказом министра и на нее этим же приказом назначен известный математик, академик И.М. Виноградов. Большой ученый, но очень плохой администратор. Его рабочим местом был письменный стол, поставленный в кабинете ректора, когда им был И.С. Галкин. Приходил Виноградов, когда не было ректора, и уходил, когда тот появлялся. Как решился этот вопрос при Несмеянове — не помню. Но, может быть, в связи с этим Александр Николаевич оборудовал свой кабинет в «круглом зале», где обычно заседал Совет университета и проходили разные большие и маленькие совещания.

Первое такое совещание в узком составе проводилось перед вторичным посещением Несмеяновым Сталина. Александр Николаевич сказал, что хочет составить впечатление об оснащении университета научным оборудованием. И предложил небольшой группе лиц сопровождать его на биологический факультет.

Ближе всех к ректору находилась кафедра биохимии животных, которую возглавлял академик Сергей Евгеньевич Северин. Зашли туда. Несколько больших комнат, разделенных шкафами. В этих «закутках» находились по 1–2 сотрудника, иногда микроскоп, иногда еще какой-нибудь прибор, на котором еще учился сам Сергей Евгеньевич. В шкафах книги, коллекции, препараты. Сам Сергей Евгеньевич отсутствовал, но сотрудники его рассказали об организации учебного процесса и подтвердили, что никакого нового оборудования за последние годы не поступило, поэтому приходится учить студентов на том, которое есть. Такая же картина повторилась еще на двух-трех кафедрах, и ректор вернулся к себе в кабинет весьма расстроенным.

Первые слова, которые произнес Александр Николаевич, войдя к себе в кабинет, были: «Никогда не думал, что Московский университет имеет такое плохое научное

и учебное оборудование. Придется просить помимо строительства новых зданий денег для приобретения импортного и отечественного оборудования. Поэтому бросьте все дела и считайте вместе с учеными, что надо приобрести университету и сколько это будет стоить в советских рублях и в валюте».

Через два дня Александр Николаевич собрал опять руководство университета. Говорил он всегда кратко:

— Я был у товарища Сталина. Он согласен, что по существу надо строить новый университет. С оборудованием и общежитиями. Вы знаете, что недавно было постановление о строительстве высотных зданий в Москве. Одновременно с ними строить и новые здания университета правительство считает невозможным. Это слишком дорого стоит. Поэтому предлагается на наше усмотрение или выбрать любое высотное здание из числа спроектированных, и рядом с ним построить дополнительные корпуса, если в этом возникнет потребность, или подождать, когда будут построены высотные здания и после этого приступить к строительству нового университетского городка. Ваше мнение? Я должен дать ответ правительству в ближайшее время.

Все как-то очень быстро пришли к единому мнению: отказываться от высотного здания никак нельзя, к строительству университета надо приступать немедленно. Для этого надо выбрать площадь не в центре города, где потребуется снос большого количества построек, а на окраине, на свободной площадке, чтобы иметь возможность рядом с высотным зданием построить отдельные корпуса факультетов, требующих специальных коммуникаций и более опасных в пожарном отношении. Общежития должны быть при университете. Не забыть о комбинате питания. Нужны телефонная станция, почта.

В мою жизнь Воробьевы горы вошли еще с 1930-го года. Именно там, по засыпанным сейчас оврагам, сохранившимся частично в районе Дворца пионеров, проходила наша топографическая учебная практика, когда я был студентом Московского топографического техникума, а также практика по геодезии для ряда специальностей студента первого курса МГУ, на которую я приезжал навещать своих товарищей, так как за моими плечами стояли три года работы топографических экспедиций на Дальнем Востоке.

Очень нам нравился вид на Москву с Воробьевых гор, особенно из района маленькой церквушки, приотившейся над самым обрывом, в которой, по преданию, венчался Суворов. К Москве-реке спускался оползневой склон, а от склона в противоположную сторону шли овраги, частично поросшие кустарником. Это примерно там, где в настоящее время пробегает заасфальтированный Университетский проспект. Думаю, что такое радостно-привольное впечатление оставалось у многих поколений, смотревших на Москву с Воробьевых гор. Вспомним Огарева и Герцена.

В середине XIX века сенат Московского университета обратился в правительство России с просьбой расширить площади университета за счет сноса окружающих его зданий. Правительством было принято положительное решение, но с условием: дополнительное строительство новых зданий на Воробьевых горах, не разрушая при этом дома, построенные вокруг университета в центре Москвы. Сенат Московского университета был обижен, что часть университета хотят «выпихнуть» из Москвы.

Несколько позднее один из наследников Демидова предложил построить новый Московский университет целиком за свой счет, такой, какой захотят ученые, но с обязательным условием — только на Воробьевых горах. Опять последовал резко отрицательный ответ.

И вот надо принимать решение поэтому же вопросу в 1949 году. Где же строить? Краснопресненскому РК ВКП(б) очень не хотелось, чтобы университет уходил в другой район Москвы. Позвонил секретарь райкома и просил ректора посмотреть строительную площадку, которая, с его точки зрения, является идеальной. Несмеянов охотно согласился, пригласил Вовченко и меня, и через час мы уже осматривали предлагаемую площадку. Это было место, где сейчас построен Советский торговый центр. Оно никак не могло подойти для строительства нового университета. Вовченко считал, что единственное подходящее место — Ленинские горы. Здесь высокий правый берег реки возвышается над городом и университет будет виден издалека. Несмеянов тоже придерживался этих позиций, но ему захотелось еще посоветоваться с президентом АН СССР С.И. Вавиловым.

Я был свидетелем как Александр Николаевич Несмеянов звонил по телефону президенту АН СССР С.И. Вавилову и просил его разрешения приехать и посоветоваться с ним по поводу дальнейшего развития МГУ. Сергей Иванович ответил, что он сам готов приехать в МГУ и поговорить по этому вопросу в спокойной обстановке, потому что в его президентском кабинете это сделать невозможно. Два руководителя договорились о времени встречи, после чего Александр Николаевич пригласил меня как секретаря парткома МГУ принять участие в разговоре. Я был рад тому, что ректор не проигнорировал партийный комитет МГУ, хотя беседа и носила неофициальный характер. Впервые совсем близко от меня за маленьким столиком сидел Сергей Иванович Вавилов. Дергался он очень просто. Хороший костюм, массивное обручальное кольцо (такие тогда мало кто носил). Внимание и доброжелательность к собеседникам. Все это сливалось как-то воедино и располагало к нему. Лично для меня это была не только первая встреча с президентом АН СССР, это был урок и притом наглядный урок «высшей интеллигентности» в беседе между двумя крупнейшими учеными. Во всем: в уважительности, тактичности, непринужденности. Сергей Иванович внимательно слушал ректора, задавал ему вопросы и вставлял в разговор свои реплики. Идея разместить МГУ на Воробьевых (Ленинских) горах ему понравилась.

При следующей встрече со Сталиным Александр Николаевич доложил ему ряд пожеланий университета. Первое — просим передать университету высотный дом, начать немедленно его проектирование и строительство на Ленинских горах. Второе — рядом с высотным зданием построить ряд корпусов для факультетов, которые целесообразно располагать в высотном здании. Третье — выделить средства для приобретения научно-учебного оборудования, мебели, спортивного инвентаря и другого. Все эти предложения были приняты.

15 марта 1948 года правительство постановило построить для Московского государственного университета новый комплекс на Ленинских горах, разместив в нем механико-математический, физический, химический, биологический с ботаническим садом, геолого-почвенный и географический факультеты, жилые помещения для

5 250 студентов 750 аспирантов и 200 квартир для профессорско-преподавательского состава.

Таким образом, в новые здания на Ленинских горах переезжали только естественные факультеты, а гуманитарные оставались в старых зданиях, расширяясь за счет освобождающихся помещений.

Такое предложение Несмеянов сделал в самом начале обсуждения вопроса о возможности переезда части университета на новую территорию. Мотивировал он это тем, что для естественных факультетов значительно сложнее построить новые здания и тем более оснастить их современным оборудованием. Приспособить же помещения естественных факультетов для гуманитарных значительно проще. Это казалось убедительным. Все были согласны. А потом оказалось, что все не так просто, что вопрос этот следовало обсудить внимательнее и в разных аспектах. Я, например, убедился, что, разделив факультеты университета на естественные и гуманитарные при решении вопроса о переезде части факультетов университета, мы допустили ошибку и невольно создали два университета, потеряв при этом преимущество, свойственное университетам вообще и, в частности, Московскому университету — тесную взаимосвязь между разными науками.

Проектирование комплекса новых зданий осуществлялось под руководством архитекторов Л.В. Руднева, С.Е. Чернышева, П.В. Абросимова, А.Ф. Хрякова и инженера В.Н. Насонова. В структуре университета появилось управление капитального строительства, а в штаты были включены должности главного инженера (И.П. Морозов) и заместителя главного инженера (М.Ю. Эпштейн). Последний со временем заменил И.П. Морозова.

Вопросами строительства новых зданий университета жил весь коллектив. Проходило общественное обсуждение эскизных проектов новых зданий. На некоторых я присутствовал. Каких только не было предложений! Мне запомнилось выступление механика с физического факультета, предлагавшего предусмотреть наверху главного корпуса сооружение площадки для дирижаблей, так как, по его мнению, им будет принадлежать главная роль при развитии воздушного транспорта. На стройку приезжали профессора и преподаватели. Было интересно посмотреть, как сооружаются новые здания и особенно главный корпус. В нем должен был разместиться вместе с другими подразделениями университета и геологический факультет, ставший после августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года самостоятельным факультетом, так как почвенное отделение вместе с биологическим образовали новый биолого-почвенный факультет, который получил отдельный корпус рядом с ботаническим садом.

Вместе с геологами бывал на стройке и я, но уже не в качестве секретаря парткома МГУ, а как доцент геологического факультета. Мне удалось, наконец, решить свой личный вопрос. Я обратился в городской комитет партии с просьбой освободить меня от партийной работы в университете и дать возможность заняться учебно-научной работой. По моей рекомендации секретарем парткома МГУ был избран доцент химфака МГУ Михаил Александрович Прокофьев, с которым до сих пор у нас сохранились дружеские отношения. После 1948 года я на освобожденной партийной работе не был. Хотя избирался в состав районных комитетов партии и даже в состав бюро райкомов в силу своего служебного положения, будучи

проректором Московского университета и ректором Академии народного хозяйства при Совете министров СССР.

Скоропостижно скончался Сергей Иванович Вавилов. Президентом АН СССР был избран А.Н. Несмеянов. Должность ректора университета оказалась вакантной. В мае 1951 года ректором Московского университета был назначен воспитанник университета, известный ученый, математик, академик Иван Георгиевич Петровский.

К этому времени строительство, начавшееся в 1949 году, шло полным ходом. Проектировщикам хотелось поставить главное здание как можно ближе к крутому берегу реки, чтобы оно было видно из всех районов города. Но геологи доказали, что этого делать нельзя: стоит выйти на смотровую площадку на Ленинских горах, как перед вами откроется вид не только на Москву, но и на склон берега реки, который имеет ярко выраженный оползневой характер. Сейчас, говорили геологи, оползневые процессы приостановлены, но огромные нагрузки сосредоточатся вблизи кромки берега, под влиянием касательных напряжений может произойти оживление оползневых процессов. В этом случае придется не столько строить, сколько заниматься борьбой с оползнями.

Пришлось выбирать новую строительную площадку примерно метрах в пятистах в глубину от берега (примерно туда, где сейчас проходит Университетский проспект). Но в этом случае здание «садились» на уже давно существующие водоснабжающие Москву сооружения, и категорически запротестовал Моссовет. Пришлось опять отступить дальше от берега и здесь на расстоянии примерно километра от его кромки начали рыть котлован. Фундамент главного корпуса находится на глубине 13–14 м. Объем бетона фундаментной объемной коробки составляет 43 000 куб. м. В качестве несущей конструкции центральной части корпуса принят стальной каркас. Расчет был проведен таким образом, чтобы давление здания на грунт было близким к давлению, которое испытывали грунты на этой глубине от снятых слоев пород в условиях их естественного залегания. Такой подход в какой-то степени гарантировал незначительные осадки уникального здания.

Мне кажется принятое решение удачным. При настоящем положении главное здание университета достаточно хорошо видно из различных районов Москвы и производит еще большее впечатление, когда посетители постепенно приближаются к университету от смотровой площадки. Особенно большое впечатление создается, когда перед главным входом работают фонтаны; вдоль аллеи расположены скульптурные бюсты великих русских ученых. В процессе строительства (1949–1953 гг.) в первоначальный проект вносились дополнения и изменения в связи с проработкой отдельных вопросов. Например, верхние этажи главного здания решили использовать для организации Музея земледения, в котором экспонировали свои коллекции географический, геологический и факультет почвоведения.

Известно, что все геологические коллекции, собранные в МГУ и в Горной Академии, были переданы в Московский геологоразведочный институт при его организации. На кафедрах геологического факультета остались отдельные экспонаты от учебных коллекций. Так же плохо обстояло дело с экспонатами на почвенном и географическом факультетах. Пришлось организовать для нового Музея специальные «экспедиции» по сбору материалов в природе (главным образом), в краеведческих и других му-

зях, у частных лиц. На должность директора музея был приглашен профессор Львовского университета Лауреат Государственной премии Николай Порфирьевич Ермаков.

Под строительство новых зданий на Ленинских горах был выделен участок 168 га, а объем всех зданий университета составлял 2 611 тыс. куб. м.

В главном здании университета должны были разместиться ректорат университета, актовый зал на 1 500 мест, дом культуры со зрительным залом на 800 мест, механико-математический, геологический и географический факультеты, музей землеведения, спортивные залы и бассейн, четыре столовые и общежития студентов и аспирантов. Думаю, что на долю общежитий приходится больше всего или во всяком случае излишне много полезной площади в самом главном корпусе. Студенты и аспиранты, живущие в главном корпусе, всем обеспечены — столовые, буфеты, спортивные залы, бассейн, почта, различные мастерские, парикмахерские. Можно закончить университет, ни разу не выйдя на улицу!

Вокруг главного корпуса разместились корпуса факультетов: физического, химического, биолого-почвенного; институтов механики, ядерной физики, астрономии; лаборатории сверхвысоких давлений, радиохимии, искусственного климата и др. В этих зданиях насчитывается 37 000 помещений. Можно только позавидовать тем, кто в них работает. Там совершенно другая обстановка, чем в главном корпусе. Как и должно быть в научно-педагогическом центре, нет суетни, непрерывного движения людских масс, бабушек с колясками и т.п.

Большинство новых зданий построено в небывало короткий срок. Приезжающие к нам иностранные коллеги всегда обращают внимание на даты у главного входа — «1949–1953 гг.». Не верят, не могут поверить. И когда мы говорим нашим гостям, что за четыре года построен не только этот корпус, но и ряд других зданий для больших факультетов, таких как физический, химический, почвенно-биологический, то это казалось и кажется сейчас почти чудом. А между тем это так. В 1948 году правительством только было принято решение о строительстве новых зданий университета на Ленинских горах, в 1949 продолжалось проектирование и началось строительство, в 1950 г. стали поступать заказанные мебель и оборудование.

Одновременно со строительством расставлялась мебель и оборудование, развешивались картины (более 2 000 картин и портретов ученых). В фойе Актового зала помещено 60 мозаичных портретов крупнейших ученых мира. На фоне юго-западного фасада Главного корпуса соорудили памятник Ломоносову, выполненный скульптором Н.В. Томским.

Московский университет начал 1 сентября 1953 года новый учебный год по-новому. Огромная подготовительная работа была проделана ректором Несмеяновым, ректоратом и в первую очередь управлением капитального строительства. Но главным фактором явилось доброжелательное, неформальное отношение к строительству руководителей правительства, понимание строителями — рабочим классом, что они возводят университет, равного которому у нас в стране не было. Из песни слова не выбросишь, принимали участие в строительстве и заключенные; был случай, когда один из них пытался бежать, спрыгнув с высокого этажа, держа над головой лист фанеры, который должен был сыграть роль парашюта. Несчастный, конечно, разбился насмерть. Не думаю, что это

послужило поводом для отзыва со стройки университета всех заключенных. А вот зачем это было сделано, зачем надо было задержать ввод в срок всех зданий университета — трудно сказать. Может быть, по этому поводу мог что-нибудь рассказать Александр Николаевич Несмеянов, но, к сожалению, его уже давно нет среди нас.

Мне хочется охарактеризовать Александра Николаевича как оригинального ученого с большой научной эрудицией, как человека смелого, не идущего ни на какие компромиссы, как человека, всегда готового протянуть руку помощи, и как человека, отстаивающего свои убеждения.

Не раз приходилось мне слышать от Александра Николаевича и на больших собраниях в специальных докладах и при беседах вдвоем одну и ту же идею: современное состояние науки таково, что наиболее интенсивное развитие и кардинально новые результаты, приводящие к скачкообразному ее развитию, происходят на стыках наук. Например, на контакте геологии и химии зародилась геохимия, без знания законов которой нельзя было создать термоядерное оружие.

В свое время Александр Николаевич возражал против передачи институтов, лабораторий, организованных в АН СССР, в промышленные министерства, только потому, что они из своих теоретических работ делали выводы, имеющие практическое значение. Хрущеву же хотелось хотя бы на базе академических научных организаций укрепить отраслевую науку. Мне рассказывали, что, будучи на приеме у Хрущева и увидев заготовленное постановление по этому поводу, Несмеянов сказал:

«Я категорически возражаю против этого постановления, Никита Сергеевич».

Н.С.: «Потому, что вы в этом ничего не понимаете».

А.Н.: «Тогда освободите меня от обязанностей президента и руководите сами работой Академии наук».

Однажды, весной 1951 года, когда уже во всю шли экспедиционные работы, я оказался случайно в Москве. Неожиданно дома раздался телефонный звонок. Вежливый голос просит зайти завтра в ЦК. Называется подъезд, номер комнаты, время, просят быть без опозданий.

Прихожу в назначенное время, мне говорят: «Есть такое мнение — направьте вас на работу ректором в Саратовский университет и одновременно доизбрать в бюро Саратовского обкома». Я начинаю отказываться: болею, нога никак не заживает.

— Там будет создано лучшее медицинское обслуживание, чем в Москве, и уж во всяком случае лучше, чем в экспедиции.

— В Саратовском университете нет кафедры по моей специальности.

— О чем говорить, вы же ректор, можете создать все, что захотите. Не ищите причин, будьте завтра весь день дома, я вам позвоню, когда вам надо будет приехать в ЦК.

Впервые называется фамилия члена Политбюро ЦК, курирующего этот вопрос. Что делать? Уже вечер, вряд ли я застану в университете Александра Николаевича. Но все-таки еду в университет, мне повезло, застаю его, собирающегося уехать домой. Выслушав меня, он говорит: «Когда меня назначали ректором, то обещали без моего согласия ни одного человека из университета не брать. А со мной о вас никто не говорил. Не обижайтесь на меня, но 5–10 минут я должен побыть один, а вы поговорите о чем-нибудь с Анастасией Порфирьевной (А.П. Новичко-

ва — секретарь ректора университета на протяжении многих лет)».

Мне показалось, что и пяти минут не прошло, как Александр Николаевич позвал меня и, довольно улыбаясь, сказал: «Саратов и всякие другие назначения отпадают. Продолжайте спокойно работать в Московском университете. Если надо ехать в экспедицию, поезжайте в экспедицию, в общем, ведите себя так, как будто никаких разговоров на эту тему не было».

Александр Николаевич, будучи химиком, всячески способствовал развитию биохимии, биологии, отдельных направлений химии. В то же время мечтал на «вегетарианские мотивы». Ему хотелось, чтобы домашние животные свободно разгуливали в природе и составляли лишь один из элементов пейзажа. Для своих потребностей люди, по его представлениям, должны были употреблять синтетические продукты. И в то же время нельзя представлять себе Александра Николаевича «неким Маниловым». Это было бы беспардонное искажение его портрета. Слова у Александра Николаевича не расходились с делами. Напомню, что одно время в магазинах продавалась синтетическая черная икра, изготовленная по технологии А.Н. Несмеянова.

Александр Николаевич был женат вторым браком. После всех официальных процедур он получил для себя и своей новой жены квартиру в том же корпусе, где наша семья живет с 1953 года. При одной из встреч Александр Николаевич попросил меня найти время и заглянуть к нему «на минуточку». В указанное время я спустился с шестого этажа на третий.

Оказалось, что Александр Николаевич и его супруга написали гимн Московского университета к его 200-летию. Слова и музыку. И выбрали меня в числе первых слушателей, прежде чем вынести свое произведение на суд общественности. Не знаю, как кто прореагировал на новый гимн, но мне он понравился. Правда, ни в поэзии, ни в музыке я не разбираюсь, могу только сказать «нравится» или, наоборот, «не нравится». Так вот мне понравилось, и я порекомендовал передать текст и ноты хору МГУ. Знаю, что хор разучивал этот гимн, но о дальнейшей судьбе его мне ничего не известно.

У меня в памяти Александр Николаевич Несмеянов остался как талантливый человек, благожелательно относящийся к людям, но в случае необходимости готовый занять жесткие, непримиримые позиции. Надо иметь в виду, что строительство зданий университета на Ленинских горах совпало с двумя крупными политическими кампаниями, которые были развернуты ЦК ВКП(б) и в которых не могли не участвовать ректор и партком университета — это борьба с вейсманизмом и морганизмом в биологической науке и борьба с космополитизмом. Дискуссия началась вокруг вопросов генетики. Эта область знания, далекая от моих научных интересов, поэтому в моей передаче могут быть неточности, за которые я заранее приношу извинения. Мичурин — известный селекционер, практик, трудами которого пользовались миллионы людей. Все в его методах просто и доступно. Морган, Вейсман — авторы классических трудов по генетике, в которых доказывалось, что наследственность передается с помощью генов. Учение это основано на изучении материалов и процессов на уровне клетки и в те годы было трудно доступно и, может быть, поэтому отвергалось частью биологов как лженаучное.

Естественно, что эти проблемы в первую очередь рассматривались на биофаке университета. Секретарем парторганизации этого факультета (в 1947 г.) был С.И. Алиханян, сам занимавшийся вопросами генетики. Первое его выступление на общеуниверситетском партийном собрании я слышал еще до войны, и оно произвело на меня большое впечатление. Речь шла о том, как, применяя общие законы генетики, можно достигнуть значительных успехов в решении практических задач сельского хозяйства. По словам автора, ему удалось вывести новую породу кур, которые одновременно обладали значительно большим, чем обычно, весом повышенной яйценоскостью. Довести до конца работу не удалось — началась война и куры исчезли. Но Алиханян в моей памяти остался последовательным сторонником классической генетики. Он мне рассказывал о возникающих проблемах, о борьбе, которая развернулась между последователями классической генетики и сторонниками Мичурина во главе с Лысенко. Не отрицая заслуг Мичурина и его учеников и последователей, Алиханян считал его талантливым селекционером и только. По его словам, все должно было разрешиться на ближайшей сессии ВАСХНИЛ, где будут доизбираться на свободные вакансии академиков членов-корреспондентов ВАСХНИЛ ученые, придерживающиеся законов классической генетики. И после этого подавляющее большинство ученых подвергнет всесторонней критике работы Лысенко. «Ученые нашего факультета, — говорил Алиханян, — занимают правильные позиции».

Примерно такой же точки зрения придерживался заместитель секретаря парткома МГУ, преподаватель биофака, мой фронтовой товарищ С.С. Андреевко. Степан Сидорович считал, что гены, носители наследственности, могут изменяться, как и всякая материя, под влиянием среды, и эти изменения становятся наследственными. Это положение лежит в основе учения Мичурина, недоучитывать его, как делают некоторые классические генетики, нельзя. Руководителем кандидатской диссертации Степана Сидоровича был заведующий кафедрой физиологии растений профессор Д.А. Сабинин. Не знаю, были ли ему известны эти взгляды своего аспиранта, но никаких дискуссий по этому вопросу не возникало. И, честно говоря, мне, геологу, тогда это казалось второстепенным. Особого беспокойства развернувшаяся дискуссия в биологии у меня не вызывала. Я не думал, что она может приобрести острый политический характер.

В значительно большей степени беспокоило «дело» Роскина — Ключевой, которое тоже проходило на биофаке и о котором первую информацию я получил тоже от С.И. Алиханяна, а он, в свою очередь, заверил, что все рассказал со слов самого профессора Роскина. Профессор Роскин, один из известных ученых Московского университета, вместе со своей женой — профессором Ключевой, работавшей в одном из медицинских институтов Москвы, разрабатывали препарат для борьбы с раковыми заболеваниями. Им удалось добиться некоторых, по-видимому, положительных результатов с помощью препарата, приготовленного из крови броненосцев. Естественно, что исходный материал для препарата, поставляемый из Америки, дорого стоил, но правительство не жалело для этого средств. И вот первые положительные результаты были изложены в виде секретного доклада, представленного авторами заместителю министра здравоохра-

нения СССР, академику В.В. Парину, который отправлялся в США на биологический конгресс. Между ним и авторами существовала договоренность, что оглашать или не оглашать материал — решит на месте сам Парин в зависимости от обстановки. С одной стороны, все трое понимали, что закрытые работы не обсуждаются на международных конгрессах, а с другой — так хотелось приоритета в этой проблеме, всемирной известности и славы. Ведь американцы обещали, что человеку, избавившему людей от раковых заболеваний, будет при жизни отлит памятник из чистого золота.

Прошло несколько дней, и Сталин получает телеграмму от одного из американских миллиардеров, в которой тот просит принять в Советский Союз его племянницу для излечения от ракового заболевания по методу Роскина — Клюевой. При этом он готов принять любые условия. Сталин пришел в бешенство, узнав, чем вызвана эта телеграмма. Немедленно было собрано политбюро, были приглашены Роскин и Клюева. Они рассказали о своих работах и подтвердили общее положение дел, но настаивали на том, что не просили опубликовать полученные ими результаты, а предоставили решить этот вопрос Парину и огласить результаты их исследований лишь в случае, если он убедится, что ученые других стран идут по тому же пути и близки к решению этих вопросов. Наверное, это смягчило несколько обстановку, но Сталин был настолько возмущен, что, обращаясь к Роскину и Клюевой, называл их не иначе, как «господа» и космополиты. Затем Сталин задал вопрос: «Смогут ли иностранные ученые на основании опубликованных данных довести до конца работу раньше вас? Лишить вас авторства? Лишить приоритета в этом вопросе нашу страну?» Клюева ответила: «Нет!» А Роскин высказал противоположное мнение: «Да, смогут».

Решением политбюро за несколько дней для Роскина и Клюевой был создан большой закрытый НИИ в центре Москвы, выделены и укомплектованы штаты, установлено необходимое современное оборудование, в общем созданы все условия для успешного продолжения исследований. Но и открытый суд тоже был, на котором оба ученых получили общественное порицание.

По возвращении в Советский Союз В.В. Парин был арестован и осужден на длительный срок. Только смерть Сталина принесла ему освобождение. Ну, а как дело обстояло с практическими результатами? Насколько мне известно, они были более чем скромные. Дело Роскина и Клюевой послужило сигналом для развертывания кампании «борьбы с космополитизмом», которая принесла огромный вред советской науке. Предлагается использовать новую методику, разработанную за рубежом — космополитизм, делаются ссылки на работы иностранных ученых — космополитизм, дается положительный отзыв на работу, опубликованную в капиталистической стране — космополитизм и т.д. Трудно сейчас себе представить, что это было так, но это было. Проректор университета по учебной работе лично просматривал все учебные программы и решал — оставить в них иностранную фамилию или ее должно вычеркнуть. Все это была безграмотная чушь, которая, получив благословение от высших партийных органов, доходила до первичных партийных организаций как серьезная научная проблема.

В 1946 году была опубликована моя первая небольшая книга «Избранные главы общего грунтоведения». В нем

рассматривались вопросы, которые, с моей точки зрения, методологически более правильно, нежели в других изданиях, определяли ряд понятий, связанных с микроструктурой грунтов. В стенгазете геологического факультета появилась статья доцента Н.Н. Большева, в которой мне предъявлялось обвинение космополитизме на основании того, что в книге делались ссылки на двух хорошо известных иностранных ученых — К. Терцаги (ученый, заложивший в 20–30-х гг. основы механики грунтов) и Казагранде (тоже известный ученый в той же области). Взгляды Терцаги по вопросам капиллярной связности грунтов в моем учебнике подвергались резкой критике и им противопоставлялись экспериментальные исследования советских ученых; а схема, предложенная Казагранде, приводилась как принятая в инженерной геологии в США. Секретарь парткома МГУ Сергеев находится на космополитических позициях! Я потребовал рассмотреть этот вопрос на совместном заседании редколлегии стенгазеты и партбюро факультета в присутствии автора статьи и с моим участием. Сейчас смешно вспомнить об этом, а тогда слухи росли, как снежный ком. Мотивировка автора статьи: «Терцаги — космополит, он приезжал в нашу страну и давал консультации по строительству гидроэлектростанций, а потом поехал в фашистскую Германию и тоже консультировал там какие-то объекты, да кроме того до возвращения в США посетил еще ряд других стран в Европе. Всюду его приглашают — типичный космополит! Ну, а Казагранде был награжден фашистским орденом: «я сам видел эту фотографию в библиотеке, название журнала, год и номер не помню, но видел. Разве можно фамилии таких людей упоминать в учебном пособии?» — говорил Большев.

Даже в то трудное время абсурдность и бездоказательность этих рассуждений были настолько очевидны, что все на этом и кончилось. Но даже такие бездоказательные обвинения не осуждались и не наказывались. Считалось, что товарищ проявил бдительность.

Летом 1948 года я с семьей отдыхал в Геленджике. Приходит знакомый на пляж и приносит свежие газеты. На видном месте опубликовано, что правительство своим решением пополнило состав ВАСХНИЛ без всяких выборов. На вакантные должности были назначены сторонники Лысенко, близкие к нему люди, активно выступавшие в печати против законов классической генетики, обещавшие, что своими работами они создадут изобилие продуктов в стране. Было ясно, что такое могло произойти только по указанию Сталина, что на сессии ВАСХНИЛ противники Лысенко будут разгромлены.

Особенного беспокойства за университет я не испытывал, главным образом потому, что биофак считался одним из лучших факультетов университета. Его декан Сергей Дмитриевич Юдинцев пользовался большим авторитетом и поддержкой заведующих кафедрами, крупных ученых с мировым именем. Достаточно назвать академика ВАСХНИЛ М.М. Завадовского — заведующего кафедрой динамики развития организма, известного ученого Л.И. Курсанова — заведующего кафедрой низших растений и других. Но когда на августовской сессии ВАСХНИЛ «был осужден вейсманизм-морганизм» и президентом избран Лысенко, то по указанию ЦК партии начали проводиться из ряда вон выходящие акции. Многие видные ученые-биологи были уволены из университета без всяких объяснений — декан биологического факультета

С.Д. Юдинцев (много лет считавшийся одним из лучших деканов университета), Д.А. Сабинин и другие; на их места тут же были назначены сторонники Лысенко. Деканом факультета и заведующим кафедрой дарвинизма был назначен ставленник Лысенко — Презент, человек, скоро восстановивший против себя большинство коллектива факультета. Бывали случаи, когда неприязнь к нему демонстрировалась открыто. Помню, как на одном заседании Ученого совета университета Презент выступил с предложением о перестройке учебного плана. Произошел примерно такой диалог между ним и профессором Курсановым:

Курсанов: «Все молодые специалисты, заканчивающие биофак, буквально берутся нарасхват самыми разнообразными научными организациями и вдруг презент — учебный план не годится».

Презент: «Моя фамилия Прэзент».

Курсанов: «Так я и говорю, что все было хорошо и вдруг — презент».

Собрался общеуниверситетский партийный актив. Признавали ошибки, занимались самокритикой. Презент сидел в центре президиума, и когда на второй день партийный актив завершил свою деятельность, попросил слово. Смысл его выступления был примерно следующий: «Партактив университета проходит недостаточно критично и самокритично. Давайте говорить прямо: были в университете случаи, чтобы оргбюро ЦК назначало кого-нибудь на должность декана факультета? Не было. Меня назначили первого. Ректор и партком должны были поставить об этом в известность коллектив университета через газету «Московский университет», опубликовать мою биографию, дать фотографию нового декана. Ничего не было сделано. Что это? Как это можно назвать? Это недооценка решения ЦК!». — После этого прозаседали еще почти два дня. Деканом биологического факультета Презент пробыл недолго. Он скомпрометировал себя будучи нечистоплотен в быту, как человек наглый и безнравственный был снят с работы и строго наказан комиссией партийного контроля. Больше в университете он не появлялся.

Однако мне не хотелось бы, чтобы создалось впечатление, что в университет приходили в то время только люди, подобные Презенту. На отдыхе в Кисловодске у меня состоялось знакомство, перешедшее в дружбу, с новым заведующим кафедрой физиологии растений профессором Борисом Анисимовичем Рубиным и его семьей. Борис Анисимович принес на кафедру новое направление, вдохнул в нее биохимические знания, полученные у своего учителя академика Баха. 30 лет заведовал Борис Анисимович кафедрой и все это время ближайшим помощником был у него Степан Сидорович Андреев. Думаю, что Степан Сидорович помог новому заведующему кафедрой правильно разобраться в сложившейся там обстановке. Никаких массовых увольнений на кафедре не было, а вот новые сотрудники появились как соучастники разработки новых тем. В целом же применяемые административные методы принесли большой вред биологическому факультету, а иногда приводили к трагическим результатам. Скончался бывший декан биологического факультета С.Д. Юдинцев, покончил жизнь самоубийством бывший заведующий кафедрой физиологии растений Д.А. Сабинин, оставшийся безработным после увольнения из университета. Ушел из университета со

своей лабораторией академик ВАСХНИЛ М.М. Завадовский. Все это были крупные и даже невосполнимые потери для Московского университета.

В связи с этими событиями большое уважение в глазах тех, кто его лично знал, приобрел Александр Николаевич Несмеянов. Ведь он мог заявить: все это было до моего назначения ректором, я ничего не знаю и прошу мне никаких претензий не предъявлять. Александр Николаевич занял прямо противоположную позицию: «Я — ректор Московского университета и отвечаю за все, что делается не только сейчас, но и происходило раньше. Тем более, что со многими оценками, которые даются, я не согласен».

Такая позиция ректора вызвала гнев вновь назначенного декана Презента, который стал считать его своим главным противником. Но чем дело кончилось — уже известно. Жаль только, что эта история с космополитизмом, борьба с вейсманизмом-морганизмом для многих достойных людей закончилась трагически. Но жизнь продолжалась.

Было поднято на высоту учение Р.В. Вильямса о почвах, и отделение почвоведения передали на биологический факультет. Внезапно возник новый «биолого-почвенный» факультет, для которого построили отдельный огромный корпус. И это мероприятие, я думаю, можно полностью одобрить. Ведь биологические и почвенные факторы, тесно между собой связанные, дали импульс развитию и теоретических, и практических вопросов. Вот так «случайно» образовался геологический факультет, который получил возможность организовать новые кафедры, в то же время не разрывая традиционные связи между геологией и почвоведением, сложившиеся при совместной работе. Ректор университета, поместив геологический факультет в Главном корпусе МГУ, тем самым определил пути его дальнейшего развития как равноправного и важного факультета университета.

Деканом геологического факультета и одновременно заведующим кафедрой динамической геологии был утвержден молодой доктор наук, ранее не работавший в МГУ, Георгий Петрович Горшков. Он выступил перед сотрудниками факультета и покорила наши сердца. Говорил прекрасно, охватил широкий круг проблем, которые должны решаться в ближайшее время геологической наукой.

Примерная структура нового факультета запомнилась мне так:

1. Кафедра динамической геологии — профессор Георгий Петрович Горшков.
2. Кафедра исторической геологии — профессор Александр Николаевич Мазарович, один из старейших работников МГУ, автор вузовских учебников, читавший лекции по исторической и четвертичной геологии.
3. Кафедра палеонтологии — академик Юрий Александрович Орлов, уже создавший ядро этой кафедры, сотрудник МГУ.
4. Кафедра петрографии — профессор Ефим Александрович Кузнецов.
5. Кафедра минералогии, богатая своей историей в МГУ (начиная от В.И. Вернадского), на нее был приглашен заведующим участник Великой Отечественной войны, доктор наук Георгий Павлович Барсанов, защитивший докторскую диссертацию после тяжелой контузии на фронте.
6. Кафедра кристаллографии и кристаллохимии — профессор Георгий Борисович Бокий, имевший опыт педагогической работы в МГУ и проводивший большие ис-

следования в АН СССР, членом-корреспондентом которой он был вскоре избран.

7. Кафедра геохимии была создана позднее за счет помещений кафедр, уже въехавших в Главный корпус и приступивших к работе; часть помещений отобрали у нашей кафедры, часть у минералогов и еще у кого-то. Мы даже не очень и роптали. Понимали, что это будет бесполезно, так как речь шла о кафедре геохимии, заведовать которой дал согласие Александр Павлович Виноградов, академик, Герой Социалистического труда и (добавлю то, что говорили шепотом) один из создателей советской атомной бомбы.

8. Кафедра геофизических методов разведки — профессор Александр Игнатьевич Заборовский, геофизик широкого профиля.

9. Кафедра полезных ископаемых — на самом деле кафедра занималась не всеми полезными ископаемыми, а главным образом, рудными. Но все же это была одна из важнейших кафедр университета. Заведовал ею Владимир Иванович Смирнов, успевший до университета поработать и в экспедициях на изысканиях, и в Мингео СССР; вскоре он был избран членом-корреспондентом, а в следующие выборы — академиком АН СССР. Одно время В.И. Смирнов был академиком-секретарем геологического отделения АН СССР.

10. Кафедра горючих полезных ископаемых (нефть, газ, уголь) — совершенно новая кафедра для МГУ, завел ее профессор Игнатий Осипович Брод, который стал создавать кафедру, не ожидая переезда университета в новое здание путем строительства маленького домика на старой территории университета за счет договорных средств.

11. Кафедра гидрогеологии и инженерной геологии — профессор, заслуженный деятель науки Узбекской ССР Октавий Константинович Ланге, ближайший ученик А.П. Павлова. О.К. Ланге работал в Московском университете, затем по призыву Ленина уехал в Ташкент и много сделал для создания Среднеазиатского университета в Ташкенте и развития гидрогеологической науки.

12. Кафедра грунтоведения — после смерти в 1942 году в Свердловске ее основателя М.М. Филатова долго юридически оставалась без заведующего. Фактически ее работой руководил Сергей Сергеевич Морозов, но формально он не мог быть избран заведующим, т.к. не имел профессорского звания и все «тянул» с защитой докторской диссертации. Только с 1954 г. кафедрой стал заведовать автор этой книги.

13. Кафедра мерзлотоведения — заведующим стал Владимир Алексеевич Кудрявцев, один из учеников В.А. Обручева и М.И. Сумгина, работавший в академическом институте мерзлотоведения. Связи МГУ с этим институтом установились через А.Г. Федосеева, который читал нашим студентам курс мерзлотоведения, но, к сожалению, скончался в Якутии во время войны. Не погрешу, если скажу, что инициатором создания этой кафедры был я, после моей длительной беседы с Владимиром Алексеевичем Кудрявцевым у меня дома. Всю организационную работу взял на себя Н.Ф. Полтев, который стал ближайшим помощником Кудрявцева.

Итак, 13 кафедр. Плюс к этому факультетская библиотека, картбюро (А.Г. Дубровский), ряд общефакультетских лабораторий, шлифовальная мастерская, а впослед-

ствии и учебный полигон в Крыму, созданный по инициативе профессора А.А. Богданова. Вот что собой представлял геологический факультет.

В 1951 году при избрании А.И. Несмеянова президентом АН СССР опять встал вопрос о ректоре Московского университета. Разные были кандидатуры, но для А.И. Несмеянова был лишь один человек, которого он твердо поддерживал как своего преемника — Иван Георгиевич Петровский.

Насколько мне известно, Александр Николаевич исходил из того, что Иван Георгиевич — известный ученый-математик, академик, был деканом очень непростого механико-математического факультета, сумел наладить его работу, тесно был связан в своей деятельности с космическими исследованиями и дальнейшим развитием компьютеризации, с внедрением ЭВМ в учебный процесс и научные исследования (вспомним, что это был 1951 год). Кандидатами на пост ректора назывались и другие, с моей точки зрения, тоже достойные ученые. Но Александр Николаевич настоял на своей кандидатуре, и после него ректором университета стал академик Иван Георгиевич Петровский. Вскоре после своего назначения ректором Иван Георгиевич пригласил меня к себе. Суть разговора сводилась к тому, что в университете мало уделяется внимания студентам, молодежи и что хорошо бы по этим вопросам иметь специального проректора. Иван Георгиевич предложил мне занять должность проректора (которую он надеялся получить) по воспитательной работе студентов и молодежи. Для меня это предложение было неожиданным, и я попросил разрешения обдумать его. Иван Георгиевич согласился. Но долго думать мне не пришлось. Придя к себе в лабораторию, я увидел на столе коротенький приказ ректора. Смысл его был таков: в университете имеют место случаи, когда лекции студентам читают доценты. Это недопустимо. Запрещать чтение лекций доцентам.

Этот приказ меня поразил. Речь шла не о том, что доценты плохо читают лекции, а о самом факте, что они не имеют право их читать, хотя положение о высшей школе это предусматривает. Я сам был в то время доцентом и читал курс грунтоведения, написал учебное пособие, по молодости лет очень гордился, что мои лекции студентам нравятся. И вдруг оказывается, что все это перечеркивается, что я больше не имею права читать лекции. Ужасно было обидно и думаю, что не мне одному, многим. Но мы просто не знали еще нашего нового ректора. Иван Георгиевич был способен «вспыхнуть», узнав о каком-то безобразном факте, а потом, разобравшись, не настаивал на своем решении. По-видимому, в данном случае так и было. Кто-то пришел, настроил его соответствующим образом, и появился приказ, который моментально был разослан по кафедрам. Читали, пожимали плечами, удивлялись.

Вскоре состоялось общеуниверситетское партийное собрание. Я выступил в прениях и в довольно резкой форме отреагировал на приказ ректора. Собрание меня поддержало аплодисментами. Кто из нас любит критику? Иван Георгиевич тоже ее не любил. Естественно, что после этих событий никаких разговоров о работе в ректорате не могло быть.

В марте 1952 года я уехал на работу в Каракумскую экспедицию. 🌀